



СОЦИАЛИСТЫ. СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ

П. Б. АКСЕЛЬРОД

Письмо Ю. О. Мартову о большевизме и борьбе с ним

<Фрагмент>

<...> Вы ссылаетесь на пример Великой французской революции, точнее, на якобинцев 93 г. Этим примером Меринг¹ да не только социалисты, но и разные радикально* настроенные буржуазные писатели, политики и простые буржуа сейчас же после октябрьского переворота старались освятить переворот и все неистовства и варварства большевистской диктатуры. Я на эти ссылки и тыкания нам в глаза Великой французской революции отвечал: внешние черты сходства между режимом якобинцев и большевиков, несомненно, имеются, но сходство это приблизительно такое, какое существует между ловкой пародией и оригиналом или между искусственным подражанием грандиозному стихийному событию и самим этим событием. Социалисты, чуть не в подавляющем большинстве, провозгласили большевистскую победу над *всей* российской демократией вторым, но гораздо более величественным продолжением Коммуны, объявившей войну всем реакционным силам Франции с Тьером во главе.

Я им на это отвечал, что и по непосредственным причинам и поводам, и по способам своего возникновения, и по составу и характеру парижской коммунальной власти и, наконец, по всему своему режиму власть эта, как и революция, вызвавшая ее к жизни, так глубоко отлична от большевистской диктатуры и переворота, приведшего к ней, что воспевать последнюю как великое воскресение Коммуны значит — совершать *lästerung*² против социализма и самой идеи пролетарской диктатуры. Мое, безусловно, отрицательное отношение к попыткам санкционировать большевистский захват власти и азиатский режим большевистских правителей ссылками то на якобинскую диктатуру, то на Коммуну нашло себе

* Только для России и не по отношению и для своей Родины.

полное подтверждение в анализе Каутского, с фактами в руках глубокой разницы между этими событиями и большевистской «революцией».

Уже в поведении ленинской группы на первом Лондонском съезде³ и вызванном ею на нем расколе я видел симптом зарождения внутри российской социал-демократии якобинских тенденций и мелкобуржуазного революционаризма. И сейчас же по окончании этого съезда, в Лондоне же, я высказал товарищам это свое толкование внутреннего смысла и успеха нечаевско-бонапартистской кампании Ленина против всех несогласно мыслящих с ним. Но я при этом в «Искре» вспомнил и слова Маркса о событиях, совершающихся дважды в истории. — Если в первый раз, как трагедия, то во второй — как фарс. Но и фарсы исторические бывают различны. Большевистский якобинизм — это трагическая пародия на психологической основе геростратизма и «сверхчеловеческого» аморализма. Тот факт, что партия под знаменем марксизма соединяет, даже старается соединить в себе как раз наиболее отрицательные отталкивающие черты якобинской диктатуры 93 года 18 столетия, уже сам по себе набрасывает тень на ее морально-политическую физиономию.

Правда, значительно то, что сто с лишним лет тому назад являлось, или могло являться, неизбежным злом, стихийным продуктом стихийного развития революционных событий, теперь в 20-м веке, для партии, сложившейся на идейной почве марксизма, в атмосфере высокоразвитого международного революционного движения пролетариата, — преступление против социализма, позорящее это движение и вносящее в него деморализацию. Преступно было зачатие большевизма, и преступлениями сопровождался его рост. Не из полемического задора, а из глубокого убеждения я характеризовал 10 лет тому назад ленинскую клику прямо — шайкой черносотенцев и уголовных преступников внутри социал-демократии⁴. Такого же характера методы и средства, при помощи которых ленинцы достигли власти и удерживают ее в своих руках. И все же мы должны были бы все это *in Kauf nehmen*⁵, если бы большевизм в такой же мере, как якобинизм в Великую французскую революцию, был у нас *единственной* силой, стремящейся последовательно выполнить исторические задачи российской революции. Если бы большевизм был, в самом деле, таким же исторически-законным явлением, каким был якобинизм 1792–3 г., то наша партия, борющаяся против него, играла бы роль жирондистов в рос [сийской] революции. Но ведь жирондисты представляли, конечно, не из корыстных расчетов или сознательной солидарности с капиталистами —

не тот класс, представителями которого выступали якобинцы. А мы — противники большевиков, именно потому, что всецело преданы интересам пролетариата, отстаиваем их и честь его международного знамени — против азиатчины, прикрывающейся этим знаменем.

Коротко: если большевики и только они выполняют у нас надлежащим образом исторические задачи революции, как якобинцы в свое время во Франции, то борьба наша против них по существу контрреволюционна. Наша прямая обязанность, наш революционный долг вступить в их ряды, и если уже делать оппозицию, то крайне осторожную, частичную и, разумеется, благожелательную. Идеология возведения большевистской азиатчины в ранг диктатуры Горы⁶ служит для мнимо радикальных националистов в рядах так называемого центра для оправдания своей противоположной позиции по отношению к своим и русским «коммунистам». И в этой двуликости австрийского центра и охотно идущих за ним в этом пункте и видных представителей «II Интернационала» проявляется грубейший национально-партийный, а в известной мере и просто национальный эгоизм у одних из них, а у других присоединяется к этому еще огромная доза моральной трусости и беспардонный оппортунизм.

Далее Вы полемизируете против моей «характеристики» в «R[er] R[usse]»⁷ нашей партийной политики как «октябристско-либеральной времен весны». Прямо, без обиняков, скажу, что не понимаю, как не могу даже припомнить, в какой идейной ассоциации я употребил такую паскудную квалификацию, как «октябристской». Этим атрибутом я перед Троцким характеризовал его и его сторонников поведение в роли сверхпартийных «объединителей» партии. Но я не только головой, вполне сознательно, но и в глубине души, психологически бесконечно далек от подобного отношения к поистине героической позиции своих товарищей в их внутренней политике. Поэтому, читая в Вашем письме мое словосочетание «октябристско-либеральной», я покраснел от стыда и возмущения против себя за такую неосторожность в выражении своей мысли. Но я помню, что я, собственно говоря, не давал характеристики, а ограничился лишь очень осторожным и условным выражением некоторого скептицизма по отношению к тактике борьбы за «демократизацию Советов». Свое скептическое отношение я выразил словами: «*напоминает отчасти*» (может быть, я употребил слова: в некоторой мере) тактику и надежды земских либералов в моменты, когда наступило некоторое ослабление режима безграничной бюрократической необузданности. «Напоминает» еще не означает тождественности и равноценности

явлений. Вообще все мои замечания* о «внутренней политике» партии, по тону и духу, проникнуты такой сердечной симпатией и близостью к ответственному кругу товарищей в России, что с трудом понимаю, как Вы усмотрели «упреки» в моем «комментарии» к Вашему и Ф. И. [Дан] письмам, т. е. к напечатанным примечаниям из них. Оно продиктовано было стремлением дать некоторое объяснение к повороту в политике, о которой шла речь в письмах, но в крайне бережной форме, скорее невольно, чем преднамеренно, выражены волновавшие меня недоумение и тревога.

По существу же я и теперь нахожу *некоторую* аналогию между политикой земского либерализма, когда и поскольку она направлена была на преодоление бюрократического абсолютизма их путем органического развития местного самоуправления, и политикой, рассчитывающей преодолеть большевистский режим, путем «демократизации Советов» — в оковах этого режима, лишаящего оппозицию всякой возможности вести широкую борьбу за их демократизацию. Сходство я вижу в том, что в обоих случаях мы имеем дело mit einer Art Aushöhlungspolitik⁸, имеющей, как мне кажется, на почве и в тисках большевистского режима еще меньше шансов на успех, чем при царском абсолютизме. Вот существенный смысл моего замечания, истолкованного Вами как упрек или желание с моей стороны дискредитировать Вашу партийную позицию.

Вы настаиваете на коренной принципиальной разнице между нею и либеральной в момент либеральных веяний и чаяний. Разница эта заключается, по-вашему, в том, что в то время, как либеральная оппозиция представляла другой класс, чем царско-дворянский режим, антибольшевистская социал-демократия ведет борьбу против власти, представляющей тот же класс, что и она. Борьба в данном случае происходит внутри одного и того же класса, между двумя его фракциями. Я это, и то с оговорками, допускаю для приблизительно первого полугодия большевистского господства или максимум только для целого года. Соглашусь, однако, на минуту с Вами. Но какое же имеет отношение к нашему разногласию в данном вопросе указываемый Вами момент? Если бы я новой партийной тактике противопоставил повстанчески-террористическую, военно-заговорщическую подготовку вооруженного восстания и т. д., выдвинутый Вами принципиальный аргумент был бы для меня понятен. Правда, большевики (о немецких бывших мажоритетах я не говорю**) показали нам⁹ беспримерно яркий

* В «интервью», а не в письмах к Вам и Ф. И. [Дану].

** Да ведь их власть оборонялась от *вооруженных* нападений большевиков.

образец кровавой борьбы пролетарской (якобы) партии против другой. Но я-то с не меньшей ясностью и решительностью, чем наш ЦК, высказался с самого начала не только против интервенции, но вообще против военно-заговорщических методов борьбы с большевиками и против тактики, приуроченной специально к подготовке вооруженного восстания. Но в силу указанного Вами в письме соображения, но это — в данном случае не существенно, — я считаю теперь нужным только подчеркнуть, что так как моя тактическая линия (в основе) в борьбе с большевизмом всегда совпадала с Вашей и вообще нашего ЦК, то Ваш довод против моего сопоставления партийной «Aushöhlungepolitik» (употребляю это выражение, за неимением другого, быть может, более удачного) с, как мне кажется, аналогичной политикой и чаяниями либеральной оппозиции, в свое время, непонятен мне. Не могу же я предполагать, что Вы вдруг заподозрили меня в авантюристских, революционных симпатиях и тенденциях, а тем менее в замыслах такого рода.

* * *

27/IX. Продолжаю снова после перерыва по независимым от меня обстоятельствам, между прочим, и потому, что в последнее время мне *сравнительно* много приходилось и приходится тратить время на пересылку документов всякого рода материалов и на заграничные письма, отклики на письма и т. д.*

Но я против тактики концентрации сил социалистической оппозиции и недовольных слоев демократических масс на подготовке и организации вооруженного восстания отнюдь не потому, что считаю последнее незаконным, антисоциалистическим или антиреволюционным способом борьбы против власти, «представляющей тот же класс», что и социал-демократия, и вся социалистическая оппозиция. Во-первых, я отрицаю, что большевики представляют теперь — не в декретах и на парадных «конгрессах», а в действительности — пролетарские и крестьянские массы России. Уже два года тому назад я заявлял и на бернской конференции с полным убеждением повторял, что большевистская власть является диктатурой не пролетариата, а над пролетариатом (и крестьянством). А дальнейшее вырождение так называемой советской власти укрепило меня только в этом убеждении. Вы говорите, что нельзя «свести большевизм к господству люмпенов и садистов», что среди так

* Отказ от звания официального представителя партии не отразился существенно на моем фактическом отношении к моим заграничным функциям, связанным с Вами. Об этом — у меня речь пойдет ниже.

называемых «центристов» и «реконструкторов» немало охотников (особенно из лагеря тех, у кого теоретическая или политическая совесть не совсем чиста — во главе их стоят Ф. Адлер, О. Бауэр, Лонге и т. д.), так вульгарно, семплицистски [истолковывать] мое отношение к большевизму, это вполне понятно. Но Вы-то и другие друзья в России, надеюсь, помните, что я уже непосредственно после лондонского *coup d'état*¹⁰ бесконечно далек был от симплицистского объяснения тогда еще только зарождавшегося большевизма, а после по разным поводам указывал и подчеркивал его историческую подоплеку и его *historisches Wesen*¹¹. Каутскому я формулировал свое отношение к большевизму в следующих словах: «*Der Bolschewismus ist jedenfalls eine grosse Welthistorische Erscheinung, die flüchtig, nebenbei nicht erklärt werden kann. Ich senne mich danach, innere Ruhe und Zeit zu finden, um mich, in das Studium seiner historischen Wurzeln zu vertiefen*»¹². Но тут же заметил: «*Aber erklären und begreifen ist für mich keineswegs gleichbedeutend mit Rechtfertigung, Sanchionierung*»¹³ и т. д. Болото, распространяющее заразные болезни, чума, микробы, отправляющие на тот свет сотни тысяч человеческих существ, великое землетрясение, разрушающее и уничтожающее целые города и населенные области, наконец, последняя всемирная война или нашествия гуннов или монголов — все это очень внушительные явления, имеющие самые серьезные основания и объяснения, но отнюдь не вызывающие у нас благоговейного трепета. Человеческие действия, разрушающие самые основы общечеловеческой культуры и прогресса, индивидуумы и группы, воскрешающие варварство и жестокости, бесчеловечие давно прошедших времен — должны быть квалифицированы как *niederträchtig*¹⁴. Представление об историческом *raison d'être*¹⁵ большевизма, о наличии причин, вызвавших его на авансцену истории, ничуть не вытесняет из моего сознания того факта, что большевики достигли власти путем грубейшего, бессовестного обмана пролетарских и солдатских масс, средствами невероятно-демагогическими и преступными, и что охраняют они свою власть, с одной стороны, путем превращения одних элементов народа в своих преторианцев, других — путем развращения и превращения в привилегированное сословие, жизненно столь же связанное с большевистской диктатурой, как помещичье сословие и старое привилегированное чиновничество и офицерство с царским режимом, а с другой — террористическими средствами неслыханного произвола и бесчеловечным подавлением слабейших проявлений недовольства подавляющего большинства народных масс и социалистической оппозиции. Я вполне допускаю, что за три года царствования большевиков люмпены, на которых они

опирались в первое время все, или в огромном большинстве, успели уже превратиться в почтенное сословие «убежденных» сторонников и охранителей большевистской власти. Но зато немалое число настоящих или полубольшевиков за эти годы превратились в моральных люмпенов, занимающих военные, полицейские и штатские высшие посты в военной и гражданской армии «советской» власти. Не знаю, много ли «садистов» в этой армии или во главе ее. Но, признаться, вполне допускаю, что недоброй памяти Урицкий был садист, что Дзержинский чистейший психопат и что в бесчисленных чрезвычайках немало таких мужского и женского пола. Допускаю, с другой стороны, что сохранился еще очень небольшой контингент большевиков, верующих в необходимость и благотворность большевистского режима. Деникинские, врангелевские и другие черносотенные банды столь же по-большевистски, а местами и еще более варварски, чем самые левые заправские большевики, расправляющиеся с населением «завоеванных» ими областей, польская оффензива — все это служит на пользу «советской» власти и парализует или ослабляет в некоторых кругах антибольшевистское оппозиционное настроение. Наконец, быть может, — я не могу отсюда судить, — вводят ли Вас [в заблуждение] односторонние сообщения случайных и поверхностных наблюдателей, — или нет — в самом деле, и в некоторых численно ничтожных слоях населения, не входящих в состав привилегированных, проявляется даже нечто вроде большевистского патриотизма. Но при царском режиме ведь $\frac{9}{10}$ крестьянско-рабочих масс, если не больше, телами и душой преданы были царю и являлись опорой власти, угнетавшей и порабоцавшей их. И разве среди чиновничества, офицерства и дворянства мало было честных людей и искренних идеологов полукрепостнического строя? Однако никогда никому из революционеров или даже либералов не приходило в голову считать этот строй «народным», признавать царско-бюрократический абсолютизм или «диктатуру» диктатурой хотя бы одной только части народа («меньшинства»), за освобождение которого от этой диктатуры они боролись. Точно или приблизительно, как и аналогичные явления и в «советской» России могут служить основанием для квалификации большевистского самодержавия как «диктатуры» хотя бы только одной части пролетариата. Революционная внешность, социалистическое прошлое теперешних наших самодержцев, их геростратовски-революционные парадирования, при помощи которых они обманывают весь мир, налагают на нас тем большую обязанность вскрывать их преступное шарлатанство и сущность их диктатуры, которая на деле является диктатурой группы людей, деморализующей и организующей сотни тысяч вче-

рашних или позавчерашних рабочих, крестьян, солдат и всякого рода мелких буржуа в новое господствующее сословие, на которое они опираются и при помощи которого диктаторствуют над полутора миллионами населением, в том числе и над уцелевшими остатками нашего пролетариата.

Но я готов допустить, что я, будучи за тридевять земель от России, да еще при полной отрезанности от нее, ошибаюсь относительно аморального характера и вообще состава социальных сил, составляющих главную армию и опору большевистской власти, что Вы гораздо лучший судья в этом отношении. Но и допуская, что она опирается действительно на часть рабочих и крестьян, что она представляет хотя бы меньшинство, но все же меньшинство того же самого класса, жизненные интересы которого отстаивает и социалистическая оппозиция, я все-таки остаюсь при том убеждении, что в борьбе с этой властью мы имеем право прибегать к таким же средствам, какие мы считали целесообразными в борьбе с царским режимом. Как! Разве знамя коммунизма дает иммунитет на варварское угнетение и закрепощение полутора миллиона населения? Разве оттого, что победоносная аракчеевщина торжествует свои оргии в коммунистическом облачении, она становится силой, менее дикой, менее варварской и менее бесчеловечно-жестокой по отношению к трудящимся массам, чем аракчеевщина первобытная, чуждая всяких хитростей и современных идеологий? И, наконец, если полумиллион или хотя бы целый миллион сторонников и охранителей большевистской диктатуры и принадлежит по своему происхождению в огромном большинстве к крестьянско-рабочей массе и к *идейной* интеллигенции и состоит даже из людей, серьезно воображающих себя коммунистами и революционным авангардом всемирного пролетариата, призванным спасти все человечество, разве это обстоятельство лишает это сравнительно ничтожное меньшинство полутора миллиона населения характера неограниченно властвующего над ним сословия или класса, сменившего помещиков, царское чиновничество и офицерство и царских охранников? И если уже вооруженную борьбу против большевистской власти считать гражданской войной «внутри одного класса», то ведь вина за эту войну, пожалуй, в еще большей мере, чем вооруженные восстания против царизма, падает или пала бы на безграничное самовластие большевиков, железом и кровью подавляющих всякие усилия иными путями идти к ликвидации их аракчеевски-крепостнического режима. Тот факт, что законность или необходимость этого крепостнического режима мотивируется, хотя бы и искренно, соображениями революционно-социалистическими или коммунистическими, не ослабляет, а усугубляет необходимость войны против него на жизнь

и смерть, — ради жизненных интересов не только русского народа, но и международного социализма и международного пролетариата, а быть может, даже всемирной цивилизации.

И вот, несмотря на все это, я уже летом [19] 18 г., как только до меня дошли слухи — очень смутные и неопределенные — не то о попытках, не то о стремлении социалистической демократии (или некоторых элементов ее) вступить на путь вооруженной борьбы с большевиками, засел за статью под заглавием: «*Revolutionärer oder reaktionärer Umsturz*»¹⁶, в которой я пытался обосновать свое отрицательное отношение к этому пути. Но я исходил в своей аргументации исключительно из точки зрения *целесообразности* и интересов демократических масс и социалистической оппозиции, а отнюдь не с той, которую Вы теперь выдвигаете на первый план. Наше морально-политическое право на борьбу с большевиками всякими, хотя бы и военными средствами, являлось и является для меня предпосылкой, не требующей доказательств и вытекающей из того факта, что «советская» власть так же мало, как царская, или даже еще меньше, способна добровольно отказаться от своего деспотического режима и потому, как и последняя, осуждена на насильственное низвержение. Но в то время как движение против царско-бюрократического самодержавия было и не могло быть ничем иным, как революционным, в движении антибольшевистском участвуют и элементы реакционные. И при царизме враги существующего режима распались на два лагеря: социалистический и буржуазный. Но как далеко буржуазная оппозиция ни отставала от социалистических партий, она все же была прогрессивна и, в широком историческом смысле, революционна. Потому принципиально для социалистической демократии допустима была, в известных пределах и случаях, и поддержка буржуазной оппозиции. Но на деле не социалисты ее поддерживали, а, наоборот, ей волей-неволей приходилось их поддерживать вообще и в деле подготовки пролетариата к доминирующей роли в революции в частности. Антибольшевистская же буржуазная оппозиция реакционна и стремится использовать падение большевиков для водворения диктатуры контрреволюции и для полного подавления всей демократии. Предупредить эту перспективу могло бы только самостоятельное широкое народное движение, которое сознательно направлялось бы к решительной ликвидации большевистской диктатуры хотя бы путем такой же или аналогичной оффензивы на «советскую» власть, какой низвергнута была царская власть. Но большевистский режим поставил народные массы и социалистическую оппозицию в условия, бесконечно более тяжелые для развития самостоятельного движения в народных низах и для

подготовки их к победоносной атаке на существующую власть, чем царский режим. Буржуазная же оппозиция, наоборот, оказалась в гораздо более благоприятных условиях, чем при старом режиме для энергичной борьбы с существующей властью и для приобретения в этой борьбе такой доминирующей роли, которая обеспечила бы полную победу над всей демократией в момент падения этой власти. И именно устремление всех или главных сил социалистической оппозиции на организацию вооруженных восстаний, на военные заговоры и т. п. — неизбежно должно было вести к такому исходу антибольшевистского движения*.

Но если избавление от «советской» диктатуры не может быть достигнуто без нового государственного переворота, а подготовка революционно-демократического переворота до крайности затрудняется, можно сказать, исключается самим положением, всей совокупностью условий существования пролетариата и социалистических партий под советским режимом, то сам собою навязывается вопрос: где же выход из этого тупика? Ответом на этот вопрос и явилась мысль об организации интернациональной социалистической «интервенции» против большевистской политики террористического подавления всякой, самой мирной пролетарской и демократической оппозиции и в пользу восстановления политических завоеваний февральско-мартовской революции. А так как о достижении такого интернационального вмешательства во внутренние дела «Советской России», ввиду всемирно распространенной иллюзии о пролетарски-коммунистическом характере большевистской диктатуры, и думать нечего было, то, прежде всего, необходимо было подумать о пути и средствах к освобождению социалистических масс на Западе из плена у этой иллюзии. Отсюда — предложение социалистическим партиям (при участии синдикатов, конечно) *совместно* организовать и отправить в Россию большую интернациональную комиссию для разностороннего и основательного изучения действительного характера, функционирования и последствий «советского» режима и для ознакомления с положением и настроением широких масс населения.

Помощь должна была выразиться, главным образом, в организации широкой, интернационально объединенной и энергичной кампании среди пролетарских масс [Запада] против большевистского варварства и в настойчивом предъявлении руководящими центрами этих масс советской власти, от их имени, требования таких уступок социалистической оппозиции, которые делали бы для нее

* Во избежание недоразумений подчеркиваю, что в этом пункте наши точки зрения всегда всецело сходились.

возможность легально отстаивать интересы российской революции и трудящихся масс. Такого рода энергичная интернациональная кампания подняла бы дух разочарованных, измученных гражданской войной, физически обессиленных хроническим голодом и потерявших веру в свои силы народных, особенно городских, масс и влила бы в них надежду на серьезную помощь со стороны социалистического Интернационала. Уж одно это могло бы в очень значительной мере препятствовать зарождению и распространению в них готовности ждать спасения хотя бы от колчаковско-юденических банд и антантовской интервенции. Поскольку же большевистские власти, под давлением международной социал-демократии, делали бы уступки социалистической оппозиции в России, открывало бы это хоть некоторый простор для легальной политической и организационной работы в демократических массах, она получила бы возможность сплачивать эти массы вокруг своего знамени и вызвать к жизни самостоятельное народно-революционное движение, направленное против двух фронтов: против внутренней реакции, поддерживаемой интернациональным империализмом, и против большевистской контрреволюции. В атмосфере внутреннего и международного социалистического движения против обоих этих врагов демократии и лозунг «демократизации Советов» мог бы временно, пожалуй, сыграть положительную революционную роль как средство особенно яркого изобличения перед всем миром всей лжи и лицемерия советских диктаторов. И очень может быть, что на упорном сопротивлении демократизации Советов большевики сломали бы себе шею. Это была бы особенно жестокая, но вполне заслуженная кара со стороны истории.

Но о выступлении западной социал-демократии против тиранической диктатуры большевиков в России и теперь еще приходится говорить только, как о чем-то желательном и необходимом для спасения русской демократии, ее завоеваний в февральской революции.

Вы знаете также, какую жалкую роль в деле организации интернациональной анкеты в России играли представители правого крыла Интернационала и как предательски вели себя в этом деле «левые», «центристы» и спекулирующие на левизну других — австрийцы с Ф. Адлером во главе. И те и другие предпочли ограничиться гораздо более простой и, при данном положении вещей на Западе, гораздо более легкой задачей бороться против военной интервенции и помощи Антанты Колчакам, Юденичам, Деникиным и т. д. Но уклоняясь от интервенции против большевистской политики террористического подавления социалистической оппозиции и проявлений недовольства демократических масс и даже

просто санкционируя эту политику, наши западные товарищи этим фактически ослабляли эффект и умаляли значение их выступлений против реакционной русской политики антантских правительств. И та принципиальная оценка, которую Вы даете большевистской диктатуре и которую О. Б [ауэр] так тщательно «обосновал», принципиально и теоретически оправдывает однобокую и объективно предательскую, по отношению к русскому пролетариату и русской революции, — позицию интернациональной социал-демократии в основном вопросе современной русской жизни. Возведение большевизма в ранг якобинизма Великой французской революции, да еще гораздо большего всемирно-исторического значения, способствует дальнейшему укоренению, увековечению в западном пролетариате роковой иллюзии о всемирной пролетарско-коммунистической миссии большевизма, роковой не только для нашей революции, но и международной социал-демократии. Благодаря этой иллюзии наши красные аракчеевы пользуются таким обаянием в революционно настроенных массах Запада и имеют полное основание претендовать на монопольное господство, на диктаторскую гегемонию в международном революционном движении. Дезорганизация последнего, идейный хаос в нем и страшное понижение морально-политического уровня развития в социалистических массах — вот к чему ведет влияние большевистских диктаторов на эти массы. И в довершении всего оно в чрезвычайной мере облегчает вождям интернациональной реакции спланировать вокруг себя, под флагом антибольшевизма, не только капиталистическую буржуазию, но и полупролетарские и даже отчасти пролетарские элементы на борьбу во имя культуры, «цивилизации» и свободы, против всей международной социал-демократии, дезорганизованной и внутренне ослабленной*. Вот почему я так восстаю против бауэровской (и Вашей тенденции) идеализации большевистского захвата власти и большевистской диктатуры в России.

<...>



* Надеюсь, Вы не заподозрите меня в упущении из виду первопричины этих явлений — войны, выдвинувшей большевиков на всемирную историческую авансцену и создавшей международную атмосферу, благоприятную для подчинения ими рабочих масс всего мира своему влиянию.